

Валентинова Ольга Ивановна

Доктор филологических наук, профессор

Кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6,
e-mail: ovalentinova@yandex.ru

Olga I. Valentinova

Doct.habil. in Philology, Professor

Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklay Str., Moscow, 117198, Russian Federation,
e-mail: ovalentinova@yandex.ru

СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЗНАК В ЯЗЫКЕ, ИСКУССТВЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (О КНИГЕ М.Л. НОВИКОВОЙ «ОНТОЛОГИЯ ИСКУССТВА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА И ОСТРАННЕНИЕ»)

Аннотация. С развитием информационных технологий влияние средств массовой информации на активные процессы в языке и обществе неуклонно возрастает. В этих условиях проблема формирования высокой профессиональной культуры журналистского сообщества, неотъемлемой частью которой является владение информационной и языковой культурой, творческим потенциалом родного языка, встает особенно остро.

В отличие от художника, который не придумывает образы, а мыслит ими, журналист использует языковую образность рационально. И не только как средство убеждения, выполняющее главным образом манипулятивную функцию. Интеллектуальная журналистика обращается к образу как к экономному способу выражения сложной мысли, особенно тогда, когда логическое мышление оказывается неэффективным.

Монография М.Л. Новиковой «Онтология искусства поэтического слова и остраннение» посвящена исследованию образности как универсальному творческому принципу, позволяющему увидеть существенное, ранее не замечаемое, в осмыслении действительности. Этот творческий принцип, обладающий единым механизмом, но разными функциями, действует и в языке, и в искусстве — словесном, пластическом, синтетическом, и в интеллектуальной журналистике.

Книга М.Л. Новиковой будет очень интересна журналистам: она позволяет увидеть механизм формирования образности, оценить и освоить творческое слово и как инструмент конструирования новых смыслов, деавтоматизирующих восприятие, и как проводника общественных установок, особую форму взаимодействия людей, концептуальное пространство, отражающее мировосприятие человека и общества определенной эпохи.

Ключевые слова. Остраннение, универсальный творческий принцип, образное мышление, культурный знак, образное мышление в журналистской практике.

Информация о статье. Дата поступления 16 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 30 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 27 мая 2020 г.

WORD IMAGE AS A CULTURAL SIGN IN LANGUAGE, ART AND INTELLECTUAL JOURNALISM (ON «ONTOLOGY OF THE POETIC WORD ART AND OSTRANNENYE» BY M.L. NOVIKOVA)

Abstract. With the development of information technology, the influence of mass-media on the active processes in the language and society is steadily increasing. In this context, the problem of forming high professional culture of journalistic community, which involves working knowledge of information culture, linguistic culture and creative potential of the native language, is essential.

Unlike an artist who does not invent images, but thinks in them, a journalist uses language imagery rationally, but not only a means of persuasion aimed mainly at manipulation. Intelligent journalism uses the image as an economical tool of expressing a complex idea, especially when logical thinking is ineffective.

The monograph «Ontology of the Poetic Word Art and Ostrannenyeye» by M.L. Novikova explores imagery as a universal creative principle that enables one to see essential things, previously unnoticed, while conceptualizing the reality. This principle of creation, which features one mechanism, but different functions, works in the language, in the Arts — in oral lore, plastic and synthetic arts, and in intellectual journalism.

The book will be of great interest for journalists. It allows readers to see the mechanism of forming the imagery and evaluate and master the creative word as both a tool for constructing new meanings that de-automatize perception, and a conductor of public attitudes, the latter being a special form of people's interaction, a conceptual space that reflects the world view of a person and society in a particular period of time.

Keywords. Ostrannenyeye, universal creative principle, figurative thinking, cultural sign, figurative thinking in journalistic practice.

Article info. Received April 16, 2020; accepted April 30, 2020; available online May 27, 2020.

Отечественная филологическая наука, переживавшая беспрецедентный подъем в нулевые — отчасти тридцатые годы прошлого века, усиленно искала объяснительные универсалии в языке и словесном искусстве. Одним из открытий этого времени стало представление об остранненности/отрешенности поэтической действительности, высказан-

ное в работах вдохновителя русского формализма, одного из основателей общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗа), теоретика литературы и литератора В.Б. Шкловского [1] и в трудах блестящего русского мыслителя Г.Г. Шпета [2], несколько позднее — в философских сочинениях А.Ф. Лосева [3]. Осознание же масштабности и глубины сделанного

открытия, пришедшее много позже — во многом благодаря научной интуиции профессора Л.А. Новикова [4] и вдохновленным его идеями О.Н. Панченко [5], внуки В.Б. Шкловского, и М.Л. Новиковой [6], дочери Л.А. Новикова (редкий случай в истории науки, когда «наследники по крови» стали «наследниками по духу»), —шло по линии осмысления универсальности явления остраннения.

Л.А. Новиков — ученик философа-энциклопедиста В.Ф. Асмуса, единственного из писателей и философов выступившего на похоронах Б.Л. Пастернака, и последнего энциклопедиста в филологической науке В.В. Виноградова — синтезировал опирающуюся на математическую логику строгость таксономических построений с глубоким пониманием сущности искусства как изображения абсолютного в особенном.

В 1994 г., через десять лет после ухода из жизни В.Б. Шкловского, в работе «Структура эстетического знака и остраннение» Л.А. Новиков писал: «Внимание В.Б. Шкловского и его последователей (главным образом, литературоведов) было сосредоточено на остраннении как приеме поэтики. <...> Остраннению как приему свойственна не только конструктивно-поэтическая, но и лингвостилистическая функция, которая почти не подвергалась исследованию. <...> Остраннение в широком понимании можно толковать как *инвариант языковой образности*, самый общий прием словесного искусства, по отношению к которому все другие приемы, включая традиционные тропы и фигуры, выступают как частные» [4, с. 69–70].

Раскрывая остраннение как эстетическую трансформацию знака, не

ограниченную в своем проявлении композиционным уровнем, а действующую на всех условно выделяемых уровнях художественного текста — эстетико-языковом, образно-композиционном, эйдологическом — и, наконец, рассматривая всю целостность текста как остранненный знак, Л.А. Новиков оставался верным заложенным В.В. Виноградовым [7] принципам подлинно филологического, системного, подхода к тексту, устраняющего абсолютизацию «собственно литературоведческого» и «собственно лингвистического» взглядов на художественный текст через поиск отраженной в тексте сверхкатегории образа автора как единого, все определяющего начала — его детерминанты, позволяющей наиболее достоверно оценить текст как поток сознания, в котором закрепляются — множественно и на всех уровнях — тревожащие автора, осознанно, но в несопоставимо большей степени — бессознательно, идеи. Развиваемая Л.Н. Новиковым — в том числе через исследование явления остраннения — мысль В.В. Виноградова о сверхкатегории образа автора имеет в понимании словесного искусства объяснительный потенциал, сопоставимый по своей значимости и мощи с материализованным в системной типологии языков Г.П. Мельникова [8] представлением о существовании ведущего признака языкового типа (его детерминанты), пронизывающего все уровни языка, которое было высказано впервые в трудах основоположника научного языкознания В. фон Гумбольдта.

Воспринимая остраннение как эстетическую универсалию словесного творчества, Л.А. Новиков от-

крыл проявление единого принципа во всех фигурах и тропах, преобразовав перечисление в строго научную систематизацию изобразительных средств: все фигуры и тропы выступают как частные приемы остраннения, поскольку в их основании лежит соотнесение (сравнение) одного изобразительного ряда с другими, и дающее то необычное видение мира, которое В.Б. Шкловский называл остраннением, а Г.Г. Шпет — отрешенностью. «Тогда метафору можно было бы интерпретировать как «слитное» сравнение, метонимию — как соположенное, антитезу — как контрастное, оксюморон — как противоречивое <...>» [4, с. 70].

В вышедшей в 2020 г. книге Марины Львовны Новиковой «Онтология искусства поэтического слова и остраннение», сохраняющей преданность отечественной филологической школе и научному наследию Льва Алексеевича Новикова (признанному, но во многом не понятому и не освоенному научным сообществом, особенно в области исследования поэтического языка), соотнесение научных концепций — в соответствии с характерным для системного исследования принципом взаимодополнения — позволяет осмысление универсальности сделанного в 20-е гг. XX столетия открытия вывести на принципиально новый уровень.

Универсальный характер остраннения определяется сущностью слова как такового и потому обнаруживается и во времени — на всех этапах развития языка и сознания, и в пространстве — в разных типах текстов, реализующих и первичную моделирующую систему, и вторичную — в произведениях словесного искусства.

Масштабность этого теоретического обобщения во многом была подготовлена размышлениями Л.А. Новикова о привативном характере соотношения обычного знака и знака эстетического, который проявляется во взаимосвязанных оппозициях: *формы* — стандартной и необычной, *асимметричности* означающего и означаемого — узуальной и асимметричности особенного, *смысла* — непротиворечивого смысла обычного знака и внутреннего противоречия эстетического знака, *семантической устойчивости* и *семантической подвижности*, *нормативного* и *творческого свойства* знаков [4]. И созданием семиотической модели эстетического знака [там же, с. 58], объясняющей характер соотношения первичной и вторичной моделирующих систем.

Универсальность *механизма* остраннения не означает единства *функции*. Творческую сущность слова открыл основоположник научного языкознания В. фон Гумбольдт: «Слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и еще в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения — тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ» [9, с. 305]. В отечественной науке идеи В. фон Гумбольдта о слове как проявлении познавательной и творческой деятельности человека нашли продолжение в трудах А.А. Потемни [10] и Г.Г. Шпета [2, с. 12].

В понимании *единства механизма* остраннения, но *различия функции* отчасти нейтрализуется упрек,

высказанный В.В. Виноградовым в адрес А.А. Потебни: «Найдя поэзию в языке, он не сумел расширить ее пределы в поэзии» [11, с. 9].

Представленное в книге М.Л. Новиковой «Онтология искусства поэтического слова и остраннение» исследование явления остраннения в художественном тексте носит фундаментальный характер: автор раскрывает онтологическую сущность остраннения, опираясь на выявленные взаимозависимые линейные и парадигматические особенности реализации остранненных знаков в художественном тексте *на всех уровнях формы и смысла* и прояснение *интегрирующей функции* остраннения в тексте. Остраннение обнаруживается как основной творческий принцип и в других видах искусства.

Однако книга М.Л. Новиковой стимулирует рефлексию научной мысли не только в отношении искусства.

В концепции М.Л. Новиковой учитываются функциональные различия остраннения и на временной шкале, и на пространственной.

Остраннение лежит в основе первоначального в истории человечества восприятия мира — восприятия мифологического. Но поэтические основания мифологии и поэзии как искусства имеют разные степени отрешенности:

«Когда на театральной сцене изображается пожар, убийство и проч. бедствия или преступления, — мы отнюдь не кидаемся на сцену с целью помочь бедствию или избежать его, с целью предотвратить преступление или изолировать его. <...>Мифический субъект *бросается* на сцену, а не сидит, занятый безмолвным ее созерцанием. Поэтическая действительность есть

созерцаемая действительность, мифическая же действительность есть реальная, вещественная и телесная, даже чувственная, несмотря ни на какие ее особенности и даже отрешенные качества» [3, с. 60, 62].

В средневековый период такая разновидность остранненного знака, как «слитное сравнение» (метафора), становится основным способом расширения значения слова и порождения новых значений. Функция текста в эпоху, когда не существовало отдельного слова, была особой. Смысл слова раскрывался в этом и только в этом тексте. Средневековые сочинения создавались перенесением из текста в текст сложившихся образов, которые — чтобы не исказить возникающий новый смысл — заимствовались с обширным контекстом. Творческая воля средневекового книжника проявлялась именно в разработке *подобных* ситуативных смыслов.

Функция остраннения — исторически зависимая. Исследование исторической зависимости функции остраннения может дать существенный научный результат и для истории культуры, и для истории литературного языка как неотъемлемой части истории культуры.

Обосновываемая М.Л. Новиковой универсальность остраннения открывает возможность решения вопроса, остававшегося до сегодняшнего дня без объяснения. Формальный анализ остранненного знака устанавливает синтаксические условия семантического взаимодействия единиц: «... анализ языкового материала показывает, что слова различных частей речи обладают различной силой остраннения. Существительное активно остраня-

ет глагол, но само остраняется им слабо. Формы родительного падежа существительных часто остраняют определяемые существительные, в то время как другие падежные формы — значительно реже. Наречия лишь продолжают и расширяют остраннение глагола. Все это свидетельствует о различном статусе разных классов слов и даже форм слов (например, падежных), о разной силе и направленности остраннения различных по своей природе единиц текста» [6, с. 77]. Эти же синтаксические условия обеспечивают семантическое взаимодействие единиц разных стилей. Их в течение целого столетия не могли нащупать российские литераторы XVIII в., «механически» соединяя в пределах одного высказывания элементы высокого и низкого стилей, которые — по замыслу М.В. Ломоносова — предназначались для непересекающихся контекстов: *Спустил седой Эол Борей // С пещер чугуных из пещер: // Ужасные крыла расширя, // Махнул по свету богатырь...* (Г.Р. Державин «Осень во время осады Очакова»). Опираясь на исследование М.Л. Новиковой, мы можем выражению «механическое соединение» приписать понятийное содержание: речь идет о таких — уже установленных — синтаксических связях между элементами разных стилей, при которых не происходит семантического взаимодействия этих элементов. Синтаксические условия семантического взаимодействия элементов разных стилей, которые оказываются по сути лингвистическими условиями создания семантической и стилистической системы языка, которую принято называть «современным русским литературным язы-

ком», будут воспроизведены только столетие спустя в литературной практике А.С. Пушкина. Исследование М.Л. Новиковой подводит вплотную и к другим вопросам: почему слова разных частей речи и разные формы слов [12] при синтаксическом взаимодействии с другими словами обладают неравными возможностями менять свое значение? как это связано с типологией языка, его детерминантой?

На пространственной, горизонтальной, шкале универсальный характер остраннения проявляется в потребности использования механизма остраннения не только в текстах повышенной семиотической сложности — вторичных моделирующих системах, к которым относится художественный текст, но и в разных формах первичной коммуникативной системы. Исследование остраннения в медиапоток, представленное в работе М.Л. Новиковой, имеет не только теоретическое значение, но и прикладное. Владение остраннением как информационным оружием, как способом манипуляции общественным сознанием и — одновременно — как способом деманипуляции, а значит, и деидеологизации — потребность не только идеологической журналистики, но и журналистики научной. Остранненный знак кодирует информацию — культурную, социальную и... научную. Дешифровка информации, а значит — ее точное понимание, в мощном высокоскоростном информационном потоке сегодняшнего дня, и лаконичная корректировка искаженного оппонентами содержания через изменение линейных связей того же образа-знака или через создание нового остранненного знака

определяют (наряду с другими свойствами) уровень интеллектуальности и — по сути — профессионализма субъектов медиапространства.

Обоснование универсальности остраннения, опирающееся на исследование обширного нетривиального эмпирического материала, делает книгу М.Л. Новиковой интересной и для теоретиков культуры и языка, и для журналистского общества. Поиск наиболее общих закономерностей развития всегда

отличал науку объясняющую от науки констатирующей. Открытие остраннения, получившего в сочинении М.Л. Новиковой всестороннее теоретическое обоснование, так же важно для понимания творческой сущности языка и поэтического языка как особой семиотической системы, как сделанное Е.Д. Поливановым [13] открытие универсальных законов языковой эволюции — для понимания социальных причин изменения языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкловский В.Б. Искусство как прием / В.Б. Шкловский // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. — Петроград: Тип. З. Соколинского, 1919. — Вып. I, II. — С. 101–114.
2. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты: в 3 ч. / Г.Г. Шпет. — Петербург: Колос, 1922–1923. — 3 ч.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Миф. Число. Сущность. — Москва: Мысль, 1994. — С. 5–214.
4. Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остраннение / Л.А. Новиков // Избранные труды. — Москва: Изд-во РУДН, 2001. — Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. — С. 56–77.
5. Панченко О.Н. Виктор Шкловский: текст — миф — реальность (к проблеме литературной и языковой личности) / О.Н. Панченко. — Щецин: Изд-во Щецин. ун-та, 1997. — 267 с.
6. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение / М.Л. Новикова. — Москва: Экон-Информ, 2020. — 237 с.
7. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. — Москва: Высш. шк., 1971. — 239 с.
8. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. — Москва: Наука, 2003. — 395 с.
9. Гумбольдт фон В. Лаций и Эллада (фрагмент) / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. — Москва: Прогресс, 1984. — С. 303–306.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. — Москва: Искусство, 1976. — 614 с.
11. Виноградов В.В. К построению теории поэтического языка. Учение о системах речи литературных произведений / В.В. Виноградов // Временник отдела словесных искусств: сб. ст. — Ленинград: Academia, 1927. — Вып. III. — С. 5–24.
12. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г.Г. Шпет. — Москва: КомКнига, 2006. — 216 с.
13. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции / Е.Д. Поливанов // За марксистское языкознание. — Москва: Федерация, 1931. — С. 36–53.

REFERENCES

1. Shklovsky V.B. Art as a Technique. *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Poetics. Collections on the Theory of Poetic Language]. Petrograd, Tipografiya Z. Sokolinskogo Publ., 1919, iss. I, II, pp. 101–114. (In Russian).
2. Shpet G.G. *Esteticheskie fragment* [Aesthetic Fragments]. Peterburg, Kolos Publ., 1922–1923. 3 pt.

3. Losev A.F. Dialectics of the Myth. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 5–214. (In Russian).
4. Novikov L.A. The structure of the Aesthetic Sign and Ostranenie. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, People's Friendship University of Russia Publ., 2001, vol. II, pp. 56–77. (In Russian).
5. Panchenko O.N. *Viktor Shklovskii: tekst — mif — real'nost' (k probleme literaturnoi i yazykovoi lichnosti)* [Victor Shklovsky: Text — Myth - Reality (on the Problem of Literary and Linguistic Personality)]. Szczecin University Publ., 1997. 267 p.
6. Novikova M.L. *Ontologiya iskusstva poeticheskogo slova i ostranenie* [Ontology of Poetic Art and Ostranenie]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2020. 237 p.
7. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [About the Theory of Artistic Speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 239 p.
8. Melnikov G.P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [System Typology of Languages: Principles, Methods, Models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
9. Humboldt W. *Latium und Hella*. 1806. S. 6–11. (Russ. ed.: Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Progress Publ., 1984, pp. 303–306).
10. Potebnya A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976. 614 p.
11. Vinogradov V.V. To the Construction of the Theory of Poetic Language. The Doctrine of the System of Speech literary Works. *Vremennik otdela slovesnykh iskusstv* [Cronicle of Oral Lore Department]. Leningrad, Academia Publ., 1927, iss. III, pp. 5–24. (In Russian).
12. Shpet G.G. *Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The Inner Form of the Word: Etudes and Variations on Humboldt]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 216 p.
13. Polivanov E.D. Where Are the Reasons for Language Evolution. *Za marksistskoe yazykoznanie* [For Marxist Linguistics]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931, pp. 36–53. (In Russian).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Валентинова О.И. Словесный образ как культурный знак в языке, искусстве, интеллектуальной журналистике (о книге М.Л. Новиковой «Онтология искусства поэтического слова и остранение») / О.И. Валентинова. — DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).379-386 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 2. — С. 379–386.

FOR CITATION

Valentinova O.I. Word Image as a Cultural Sign in Language, art and Intellectual Journalism (on «Ontology of the Poetic Word Art and Ostraneniye» by M.L. Novikova). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 379–386. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).379-386. (In Russian).